

Н.Н. Столярчук

БрГУ имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

**Особенности мифопоэтического хронотопа романа Дж. Барта
«Заблудившись в комнате смеха»**

Джона Барта считают классиком современной американской литературы, основателем американской традиции «чёрного юмора». Наиболее известные произведения писателя – романы «Плавучая опера», «Химера», «Заблудившись в комнате смеха». Пространство и время являются важными мировоззренческими элементами в романах Джона Барта. Эти категории повествования взаимодействуют между собой, образуя единую систему, которая оказывает влияние и на другие компоненты художественной реальности.

В романе «Заблудившись в комнате смеха» можно выделить два повествовательных пласта: современный автору и мифологический. Авторские замечания, приведенные в начале романа, предваряют и в некоторой мере объясняют рассказы из современного цикла, а заключительный рассказ «Анонимиада» подводит итог всем рассказам мифологического и современного плана. Структура романа представляет собой ризому, такой вариант построения произведения, где нет преобладающего направления, но можно чётко проследить движение и развитие множественности (сюжетов, характеристик героев, авторских размышлений).

Рассмотрим пространственно-временную организацию рассказов мифологического плана. Здесь пространственно-временной континуум неразрывно связан с вещественным наполнением (боги, люди, животные, растения, элементы сакральной топографии, мифологизированные объекты), то есть всем тем, что организует пространство, сплачивает его в едином центре.

Хронотоп дороги является основополагающим для построения и развития сюжета. Однако передвижение героев происходит по воде (по морю). Так Менелай (в рассказе «Менелайада») путешествует по морю в течение долгого времени и даже становится пиратом. Один из главных героев – Протей – морское божество, вещий

морской старец, меняющий, подобно морю, свой облик. Протей может превращаться в различных животных и чудовищ. Чтобы заставить его открыть тайну будущего, нужно внезапно захватить его и держать, пока он, изменяясь, не примет свой настоящий облик. В рассказе «Менелайада» Протей может превращаться в две вещи одновременно, таким образом, Менелай никогда не уверен в том, разговаривает ли он с настоящим человеком либо с его двойником. Двойственность характерна не только для этого героя. У Елены, виновницы Троянской войны, также есть двойник. У Париса в Трое была Елена Облачная, призрачная, а настоящая Елена ждала своего мужа Менелая на Фаросе. После всех событий и злоключений Протей развеял Елену Облачную по ветру.

Хронотоп войны также имеет свою специфику. Так как Елена была призраком, то и сама Троянская война – лишь мираж. «Вся Троянская резня, все неудачи и горести, начиная от давным-давно забытых и заканчивая совсем недавними, суть не что иное, как навеянная Зевсом греза, которая ниспослана мне только затем, чтобы, привести меня на Фарос и заставить забрать оттуда жену – или ее нимбическое подобие», – говорит Менелай. Он до конца не понимает, где заканчивается реальность и начинается воображаемый мир. Любовь к другому превращает человека в эхо, как считает главный герой. Тонкая грань между реальностью и фантазией прослеживается и в заключительном эпизоде рассказа. Протей, которого Менелай так и не смог схватить и удержать, – это и сама попытка удержать его, и повествование об этой ситуации, и голос, который ее пересказывает. Менелай умер (ушел в зыбучий песок), но голос его остался и продолжает рассказывать истории.

Художественное время здесь делится на две линии повествования. Первая – это современная Менелая линия, его разговоры с Еленой, плавание по морю, а вторая – это воспоминания о Троянской войне. Примечательно то, что благодаря Протею герои могут заглянуть в будущее, но настоящее остается тайной и загадкой. Оно неподвластно даже мифологическим героям. «Ясновидящие видят будущее и прошлое, но не то, что посередине» [1, с. 205]. Эту же идею находим у теоретиков постмодернизма, которые утверждают, что прошлое удерживается настоящим, настоящее же содержит наброски будущего. Таким образом, история – это

трансляция смысла через поколения. Для Менелая в рассказе Джона Барта миражи существуют и в настоящем, и в прошлом, призрачно и будущее.

В заключительном рассказе «Анонимиада» Джон Барт подводит итог всего цикла рассказов, рассуждая о роли писателя в современном обществе, взаимоотношениях автора и его персонажей, вновь выводя героев мифологического цикла. Таким образом, современный и мифологический пласты встречаются в данном рассказе. В рассказе девять частей, так как автор-рассказчик собирает свои литературные произведения в девять амфор и бросит их в море. Повествование в последней части ведется от первого лица, от имени «безымянного менестреля», как говорит сам автор. Время действия – «между ночью ушедшей и той долгой ночью, которая придет на смену изнурительно долгому дню». По мнению Джона Барта, рукописи тонут, автор не может быть уверен в том, что кто-то их найдет и прочитает. Автор отправляет свои послания в пустоту. «В самом деле, мир мог быть усыпан одинокими островами с заброшенными на них людскими душами, которым волей-неволей пришлось стать поэтами, а море – битком набито плавающей по воле волн литературой!» [1, с.278]. Случается так, что находясь на одиноком острове, автор находит свою же собственную рукопись, поврежденную водой и временем. Однако информацию можно получать не только из текста, но и из лакун, тех строк, где текст исчез в силу определенных природных явлений. Причем такого рода лакуны не менее важны, чем текст. Но читая свои рукописи, автор не ведет диалог с самим собой. «Принцип остается прежним: что таким образом ко мне обращается Другой, даже если этим чужаком было мое бывшее Я; неважно, означал данный факт сеанс связи с миром или не означал, он дал мне вдохновение вновь обратиться к миру» [1, с.279]. Рассуждая о том, можно ли вернуться в прошлое, автор приходит к выводу, что «вернуться по собственным следам можно только в одном-единственном случае – если ты сперва опишешь полный круг» [1, с. 254].

Так, выстраивая роман по принципу ризомы, Джон Барт затрагивает множество тем, каждая из которых раскрывается при помощи определённого хронотопа (хронотоп дороги, хронотоп войны, мифопоэтический хронотоп). В то же время ризома как децентрированный текст отражает постмодернистский взгляд на жизнь

как хаос, где происходит смещение центра и периферии, главного и второстепенного. Использование мифологических образов позволяет сохранить преемственность литературы постмодернизма и литературы предшествующих эпох.

Литература:

1. Барт, Джон. Заблудившись в комнате смеха: Рассказы, роман / Джон Барт. – СПб.: Симпозиум, 2001. – 538 с.
2. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1986. – 541 с.